

Н.С. Ищенко

Культурно-архетипические основания русской цивилизации

Nina S. Ishchenko

Cultural-archetypal foundations of Russian civilization

Статья посвящена анализу цивилизационных угроз при социокультурных трансформациях русской цивилизации в диалоге культур с цивилизацией западной. Социокультурная трансформация может привести к разрушению культурного ядра цивилизации и смене цивилизационной идентичности. Воспроизводство культурного ядра русской цивилизации в социокультурных трансформациях основано на сохранении культурных архетипов, которые задают нормы социального взаимодействия и ценности, регулирующие социальную деятельность. Исследование архетипических оснований русской цивилизации в процессе трансформаций, который происходит на фоне межкультурного взаимодействия, требует наряду с информационным анализом применения компаративистского подхода и теоретико-культурологической методологии. В настоящее время все многообразие существующих культур вовлечено в межкультурную коммуникацию, и межкультурное взаимодействие стало ключевым фактором социокультурных трансформаций. Россия участвует в активном межкультурном взаимодействии с различными культурными регионами, включая западноевропейский. Механизм межкультурной коммуникации русской культуры с культурами западноевропейского культурного региона представляет собой диалог культур, в котором Лотман выделяет три фазы. Диалог культур России с европейскими культурами продолжается с конца XVII в. по настоящее время. Полный цикл диалога культур с европейскими культурами повторялся два раза в течение указанного периода (петровские реформы, установление советской власти), и в настоящее время Россия находится во второй фазе диалога культур, который начался как антисоветская революция в 1980-х гг. В ходе диалога культур русская культура усваивает теорию и практику модерности, предлагаемую как предмет коммуникации европейскими культурами и основанную на европейских культурных архетипах «фаустовский человек» и «святое царство». В процессах культурных трансформаций русская культура сохраняет в течение ряда столетий культурную и цивилизационную идентичность. В статье показано, что сохранение культурного ядра русской цивилизации обусловлено воспроизведением культурного архетипа «святое царство».

Ключевые слова: русская культура, русская цивилизация, межкультурное взаимодействие, межкультурная коммуникация, диалог культур, модернность, культурные архетипы, фаустовский человек, святое царство.

The article is devoted to the analysis of civilizational threats in the sociocultural transformations of Russian civilization in the dialogue of cultures with Western civilization. Sociocultural transformation can lead to the destruction of the cultural core of civilization and a change in civilizational identity. Reproduction of the cultural core of Russian civilization in sociocultural transformations is based on the preservation of cultural archetypes that set the norms of social interaction and values that govern social activity. The study of the archetypal foundations of Russian civilization in the process of transformation, which occurs against the background of intercultural interaction, requires, along with an information analysis, the application of a comparative approach and theoretical and cultural methodology. Currently, the diversity of existing cultures is involved in intercultural communication, and intercultural interaction has become a key factor in sociocultural transformations. Russia participates in active intercultural interaction with various cultural regions, including West European. The mechanism of intercultural communication between Russian culture and the cultures of the West European cultural region is a dialogue of cultures in which Lotman distinguishes three phases. The dialogue of Russian cultures with European cultures continues from the end of the 17th century to the present. The full cycle of dialogue between cultures and European cultures was repeated twice during the indicated period (Peter's reforms, the establishment of Soviet power), and Russia is currently in the second phase of the dialogue of cultures, which began as an anti-Soviet revolution in the 1980s. During the dialogue of cultures, Russian culture assimilates the theory and practice of modernity, proposed as a subject of communication by European cultures and based on the European cultural archetypes "Faustian man" and "holy kingdom". In the processes of cultural transformations, Russian culture retains its cultural and civilizational identity for several centuries. The article shows that the preservation of the cultural core of Russian civilization is due to the reproduction of the cultural archetype "holy kingdom".

Keywords: Russian culture, Russian civilization, intercultural interaction, intercultural communication, dialogue of cultures, modernity, cultural archetypes, Faustian man, the holy kingdom.

Введение. Проблемы сохранения и трансмиссии культурных основ русской цивилизации

Проблемы сохранения и трансмиссии культурных основ неевропейских цивилизаций остро встают в настоящее время, в период активного межкультурного взаимодействия, одним из коммуникаторов в котором выступает экспансионистская западная цивилизация. Межкультурное взаимодействие с западной цивилизацией и ее ареалом, европейским культурным регионом, провоцирует ряд культурных конфликтов во всем мире, в ходе которых реализуются такие сценарии, как переписывание истории, уничтожение культурной памяти, цветные революции.

Русская цивилизация вовлечена в межкультурное взаимодействие с западной цивилизацией. Цивилизационные угрозы в этой коммуникации имеют место не только в Российской Федерации, но и на постсоветском пространстве, в бывших советских республиках со значительным процентом населения с русской культурной идентичностью. Взаимодействие России с западной цивилизацией происходит в режиме диалога культур, который имеет четкие структурные характеристики. Три фазы диалога культур со странами европейского культурного региона сменяют друг друга в процессе исторического развития русской цивилизации, и начало процесса относится к реформам Петра Первого. С тех пор русская культура значительно трансформировалась, однако ее цивилизационная идентичность сохранилась. Культурные основы этого процесса будут рассмотрены в статье.

1. Русская цивилизация: уточнение понятия

Цивилизационный подход утверждает, что человечество не развивается как единое целое, а в историческом процессе участвуют замкнутые, локальные цивилизации, которые непроницаемы друг для друга, развиваются по собственным законам и реализуют уникальные культурные ценности, не существующие или не занимающие центрального места в других цивилизациях.

Рассмотренная концепция, известная также как концепция замкнутых, параллельных или эквивалентных культур – одна из немногих философских теорий, зародившихся в России [11, с. 338–340]. Впервые цивилизационный подход реализуется в работе Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» (журнальное издание в 1869 г., отдельной книгой – в 1871 г.), где представлена теория культурно-исторических типов как своеобразных культурно-исторических организмов [11, с. 340]. В настоящее время термин «цивилизация» используется как обозначение целостной социальной системы, предполагающей определенный тип культуры [12, с. 42].

Русская цивилизация – предмет изучения различных наук как в России, так и за рубежом. Среди отечественных исследователей русской цивилизации можно назвать такие имена как, Т.И. Бачешкина, Б.С. Ерасов, Б.И. Каверин, А.Н. Каньшин, В.Н. Лексин, И.Б. Орлова, А.С. Панарин, А. Синявский, М.Н. Шахов, О.И. Шкаратац, Г.А. Ястребов.

Понятие русской цивилизации находится в центре дискуссий научного сообщества и потому постоянно уточняется. Так, в 2005 г. в своей докторской диссертации «Российская цивилизация во взаимодействии поколений: социально-философская концепция» А.Н. Каньшин пишет, что «понятие "русская цивилизация" распространяется преимущественно на период от ее зарождения до реформ эпохи Петра I, когда Русь стала Россией. Поня-

тие "российская цивилизация" отражает всю отечественную историю в ее цивилизационном измерении» [9, с. 9]. В то же время в 2015 г. в коллективной монографии «Россия как цивилизация: материалы к размышлению» понятие «русская цивилизация» используется как обозначающее «общность и культуру (в том числе политическую и хозяйственную) людей со специфическим менталитетом, с латентно православной традицией, с почти исчерпанным потенциалом пространственной экспансии, с гигантскими возможностями саморазвития и с крайне слабой устремленностью к использованию этих возможностей» [21, с. 84]. Таким образом, в настоящее время этот термин подразумевает и текущий период развития России как субъекта исторического процесса. В этом значении термин «русская цивилизация» используется в настоящей работе.

Русская цивилизация – одна из самобытных цивилизаций планеты, сохранившая свои базисные структуры в процессе социокультурных трансформаций, которые неоднократно происходили в ходе исторического развития русского народа. Поскольку культурные нормы и ценности реализуются в социальном взаимодействии, культурные универсалии задают предельные возможности изменения характеристик русской цивилизации. Воссоздание русской цивилизации в ходе социокультурных трансформаций возможно на основе сохранения культурных универсалий русской культуры, которые изучаются в теории культурных архетипов. Рассмотрим ближе процесс социокультурных трансформаций.

2. Социокультурные трансформации и цивилизационная идентичность

Социокультурная трансформация определяется как направленное масштабное изменение общества в целом, охватывающее большинство его подсистем. Сохранение цивилизационной идентичности в социокультурных трансформациях обусловлено воспроизводством культурного архетипа, которое обеспечивается механизмами культурной памяти. Однако в ходе социокультурной трансформации может разрушиться культурное ядро, вследствие чего цивилизационная идентичность также разрушается.

Анализ социокультурных трансформаций всего общества в целом возможен на основе разработанной теории социокультурных трансформаций. Субъектом социокультурных трансформаций является социокультурная система, представляющая собой единство социокультурного пространства и социокультурного времени.

Социокультурное пространство содержит социальное и культурное пространства данного общества в их неразрывном единстве, которое обусловлено тем, что любая социальная структура имеет культурный аспект, а любая

культурная норма реализуется в социальных отношениях. Структура социальных отношений данного общества представляет собой его социальное пространство. Культурное пространство – это динамическая система культурных фактов данной культуры, которые составляют более сложные структуры – культурное ядро, субкультуры и маргинальные группы.

Культурное пространство социокультурной системы содержит все культурные объекты данной культуры и все значимые взаимосвязи между ними. В русском культурном пространстве структурирующими культурными топосами являются такие темы, как православие, Отечество (Отечественная война), государство, мир как община. Взаимосвязи между этими топосами формируют пространство, на котором могут развиваться все прочие культурные конфигурации. Одну и ту же позицию в культурной конфигурации могут занимать разные виды духовности, наряду с православием это может быть сектантское учение, марксизм, атеизм. Такая вариативность не меняет ориентации культурного пространства.

Социокультурная трансформация может смениться социокультурной деструкцией, в ходе которой разрушается культурное ядро и теряется цивилизационная идентичность. Межкультурное взаимодействие с активным заимствованием инокультурных элементов может затронуть культурное ядро и привести к его разрушению. Механизм межкультурного взаимодействия, при котором сохраняется культурное ядро цивилизации при активном насыщении культурного пространства инокультурными элементами, называется диалогом культур.

3. Роль диалога культур в социокультурных трансформациях

Термином «диалог культур» Ю.М. Лотман предложил заменить довольно расплывчатый термин «влияние» [13, с. 124]. Диалог культур имеет четкую структуру. Диалог осуществляется в рамках культурного синкретизма и столкновения культур. Диалог культур включает три этапа: период активного усвоения инокультурных элементов, период свободного владения новым культурным языком, период активной трансляции [13].

На первом этапе культура-реципиент активно усваивает инокультурный материал, что сопровождается принятием чужой разметки культурного пространства, где культура-транслятор занимает центр культурного пространства и является источником смыслов и ценностей.

Период свободного владения новым культурным языком сопровождается инверсией культурного пространства, когда бывший центр воспринимается как культурная периферия, а единственным хранителем подлинных ценностей становится культура-реципиент [13, с. 128]. На втором этапе диалога культур с Византией Россия стала восприниматься как единственная

истинно православная страна, где сохранилось древнее благочестие так, как этому учили Святые Отцы. Во второй фазе диалога культур с Европой, которая пришлась на конец XVIII – начало XIX в., Россия для русских авторов становится тем топосом культурного пространства, где на практике реализуются столь важные в европейской философии призывы к естественности, к природе, возврат к подлинной сущности человека.

Период активной трансляции собственной культуры – заключительный этап диалога культур, причем воспринимать новые культурные ценности может не только культура-донор начального этапа диалога, но и любая другая культура. На основе этих положений проанализируем диалог культур России и Европы, который начался во времена петровских преобразований и продолжается до настоящего времени.

4. Диалог культур России и Европы: характеристики

Характеристиками любого диалога культур являются коммуникаторы, вступающие в диалог, предмет этого диалога, и этап диалога. В случае диалога культур России и Европы коммуникаторами выступают две цивилизации – русская и европейская. Предметом диалога культур является теория и практика модерности. Рассмотрим эти характеристики и определим, на каком этапе диалога культур находятся сейчас русская и европейская цивилизации.

Анализ коммуникаторов диалога культур начнем с рассмотрения культурно-архетипических оснований русской и европейской цивилизаций.

4.1. Культурно-архетипические основы русской цивилизации и ее дуальная природа

Культурно-архетипические основания культуры представляют собой систему ее культурных архетипов. Архетип – это архаический первообраз, символически представляющий человека, его место в мире и обществе, воплощая ценностные ориентации, задающие образцы жизнедеятельности людей [14]. Культурный архетип является чувственно-символическим принципом интеграции культурных форм [7].

Доминирующим в русской культуре является культурный архетип «святое царство», который имеет индоевропейские корни и задает нормы социального взаимодействия, а тем самым и цивилизационной идентичности русского общества. Этот архетип исследуется в работах В.Н. Топорова и И.А. Василенко.

Архетип «святого царства» представляет собой образное воплощение следующих идей: вся окружающая действительность должна быть в принципе сакрализована; существует единая и универсальная цель (сверхцель),

самое заветное желание и самая сокровенная мечта-надежда «святое царство» (святость, святая жизнь) на земле и для человека; это святое состояние может быть предельно приближено в пространстве и времени, т.е. может осуществиться здесь и сейчас [3].

Индивидуализация культурных архетипов в социокультурной деятельности разных цивилизаций реализуется как связь абстрактного и конкретного: на основе универсальных индоевропейских архетипов разворачиваются различные социокультурные системы. Так, на основе архетипа святого в европейских культурах была создана жесткая иерархическая система католической церкви, которая охватывала разные этнокультурные общности и обеспечивала высокую социальную мобильность. В протестантской цивилизации традиционные ментальные структуры, возникшие на основе архетипа «святого царства», постепенно уничтожаются и заменяются на новые, столь же жесткие, иерархизированные и экспансионистские, однако имеющие другое культурное ядро. В русской православной культуре в образе «святого царства» соединяются славянская дохристианская культурная основа, наследующая индоевропейский архетип, и христианское представление о святости.

Как показывает И.А. Василенко, в русской культуре различные культурные константы синтезируются в образе «святого царства», которое должно осуществляться на земле усилиями всех и каждого человека в отдельности. «Святое царство» не может осуществиться за счет формального исполнения некоторых предписаний или магического типа взаимодействия человека и мира, а требует от человека самосозидания на антропологическом, социальном и культурном уровнях [3]. Русское государство понимается как пространство, где правда в принципе может быть реализована.

Во всех индивидуализациях «святого царства» проявляются одни и те же типы социального взаимодействия, представление о роли русского народа в истории и отношении к духу.

В русской социокультуре О.Б. Скородумова выделяет следующие устойчивые типы социального взаимодействия: неопределенность самосознания, странничество, постоянный поиск идентичности; бинарный характер существования и развития; коллективизм сознания; установка на восприятие руководителя государства как защитника народа, противопоставление его бюрократическим структурам. А.С. Храпов дополняет этот перечень указанием на патерналистский тип взаимодействия государства и народа; сопряженность государства и церкви; мирное сосуществование представителей различных национальностей и конфессий в рамках единого русского народа; ориентированность на религиозно-ментальные символы и мотивы [31, с. 15].

Рассмотрим связь этих типов взаимодействия с русским культурным архетипом «святое царство».

Неопределенность самосознания и поиск идентичности обусловлены ориентацией на культурное ядро, где в сфере неявленного латентно существуют смыслы культуры, реализующиеся по-разному в каждой конкретно-исторической индивидуализации русского государства. В эпоху Московского царства поиски идентичности привели к самоидентификации русских как жителей последнего православного царства на земле. В имперскую эпоху эта черта самосознания проявлялась как стремление идентифицировать Россию в качестве европейского государства и усвоить европейскую культуру. В советский период поиски идентичности привели к формированию советского менталитета, не изжитого и три десятилетия спустя после исчезновения советского государства.

Во всех конкретных проявлениях указанных черт общественного сознания реализация идеи православного царства, европейского государства, первого в мире социалистического государства никогда не исчерпывалась артикулированными смыслами, а включала в себя латентные смыслы культурного ядра, позволяя оформлять различающиеся стороны жизни как проявления единого архетипа.

Бинарный характер существования и развития общества актуализируется в дуальной модели культурной динамики. Дуальная модель культурной динамики русской культуры была разработана в исследованиях Ю.М. Лотмана и Б.А. Успенского, которые показали, что все топосы культурного пространства русской цивилизации помещены в дуальную структуру, создаваемую такими категориями как хорошее/плохое, сакральное/профанное, которые могут выступать как категории старое/новое и просвещенное/непросвещенное [26].

Русская культура, как показали исследователи, полностью лишена нейтральной аксиологической зоны. Любой поступок в рамках русской культуры имеет строго определенную аксиологическую окраску, притягиваясь либо к одному, либо к другому культурному полюсу. Таким образом, в период кризиса, когда старые социально одобряемые формы поведения дискредитируют себя как не способные сохранить идентичность на уровне общества в целом, русская культура принуждена использовать как ресурс развития формы социально-неодобряемого поведения, черпая новые образцы из той сферы, которая на предыдущем этапе была отчетливо негативной. Такая смена ценности культурного объекта на противоположную при сохранении глубинной структуры культуры проявляется в антиповедении.

Антиповедение это «поведение наоборот, т.е. замена тех или иных регламентированных норм на их противоположность» [25, с. 460]. Антиповедение свойственно всем иерархизированным культурам, и древней русской культуре в том числе. Антиповедение тесно связано со сферой сакрального –

Б.А. Успенский приходит к выводу, что антиповедение сакрализовано всегда [25, с. 473]. В антиповедении связь с сакральным реализуется как кощунство, святотатство, нарушение космического и человеческого порядка. В период кризисов и трансформаций, когда существующие формы социально-одобряемого поведения не могут обеспечить культурной легитимации поступков, носители культуры ищут новые пути связи с сакральным, и самым резким, ярким и действенным из таких путей оказывается антиповедение. В рамках русской цивилизации, усваивающей христианскую культуру, антиповедение черпает образцы в прежней языческой культуре, сохранившейся в рамках двоеверия на Руси.

Таким образом, важные изменения в русской культуре протекают как отталкивание от предыдущего этапа, как его активное отрицание, и реализуются в демонстративном антиповедении. Содержание культуuroобразующих категорий может меняться в зависимости от исторического периода, однако дуальная структура, приводящая к полному отрицанию предшествующей культуры, сохраняется в течение всей русской истории и позволяет говорить о единстве русской культуры на разных этапах [26, с. 341].

Единство русской культуры проявляется в том, что при смене культурных эпох основоположник, первый деятель в новом духе не имеет образцов в культуре старого периода, и вынужден опираться на антикультуру, реализовывать те поведенческие стратегии, которые ранее были маркированы как нечестивые [19, с. 458]. Также еще одной важной характеристикой социокультурной трансформации русской культуры является активизация архаичных культурных моделей в период, который осознается как новый и отменяющий все предыдущие нормы Руси [26, с. 344].

Коллективизм сознания в русской цивилизации проявляется в полноте хозяйственной, общественной и государственной жизни, которая соотносится с индоевропейским семантическим ядром понятия святости, включающим цельность и полноту существования. В разные исторические эпохи коллективизм проявляется как приоритет общественных, общинных, государственных ценностей над личными интересами. Смена типа общества – община или колхоз – не приводит к уничтожению полноты хозяйственной жизни, которая может быть реализована в рамках этой структуры.

Восприятие руководителя государства как защитника народа, патерналистский тип взаимодействия государства и народа реализует сакральную составляющую царской власти, которая является необходимой частью образа царства.

В Византии формируется христианский государственно-правовой порядок, неизвестный античному миру [17, с. 21]. Хотя империя появляется в классической греко-римской античности, однако легализация и сакрализация этого вида государственности в рамках полисной морали и религии ан-

тичного мира была невозможна. Кризис полисных норм и поиски новых форм культурной легитимации правления императоров принимали разные формы: от обожествления императоров в рамках традиционной римской религиозности (первые династии римских императоров, начиная с Цезаря) до попыток инкорпорации восточных культов в римскую религию (Гелиогабал) [22]. В Византии эти поиски культурной легитимации завершаются реализацией представления о земной империи как об отражении небесной иерархии, а также пониманием императора как представителя церкви, стоящего в особых отношениях с Богом.

Сложившееся в Византии мировоззрение анализирует И. Мейендорф, который указывает, что социальное устройство понимается как отражение небесного порядка и представителем этого порядка на земле является светский властитель, непосредственно назначенный Богом [15, с. 240–241]. Как замечает А.Л. Дворкин, хотя царь и не имеет апостольской преемственности, однако царь не простой член Церкви, его власть сакральна, хотя конкретный монарх неприкосновенным не является [5, с. 695, 697]. Византийская концепция власти была воспринята на Руси в русле уже существовавших дохристианских представлений о царе и царстве, которые подробно рассматриваются в работах В. Водова.

В. Водов показывает, что в период Киевской Руси и вплоть до XV в. не было разницы между термином «князь» и «царь» в именовании русского удельного правителя [4, с. 526]. За первым титулом стояла традиция, в то время как царями называли тех князей, которые проявили религиозное рвение, нравственные добродетели, участвовали в административной деятельности церкви, выполняя функции защитника истинной веры, или умерли мученической смертью [4, с. 533–538]. Таким образом, еще до введения слова «царь» в официальную титулатуру русского правителя этот термин функционирует в семантической сфере сакрального, сформированной на дохристианской основе.

Сакральность царской власти на Руси анализирует Б.А. Успенский в своих работах о русской культуре. Он указывает, что сакральность царской власти становится феноменом народного сознания после XVI в, когда впервые в 1547 г. проводится церемония венчания на царство, в которую входит миропомазание – как помазанник царь уподобляется Христу и с начала XVIII в. может именоваться Христом [28, с. 143–144]. Таким образом, в рамках русской культуры царь имеет явно выраженные сакральные функции, и почитание царя обусловлено тем, что Царь избирается Богом для воплощения Правды на земле. Эта черта является реализацией представления о святости царства, которая укоренена в культурном архетипе «святого царства».

Ориентированность на религиозно-ментальные символы и мотивы обусловлена связью святости и духовности, и возникает потому, что святость не может осуществиться за счет формального исполнения некоторых предписаний или магического типа взаимодействия человека и мира, а требует от человека самосозидания на антропологическом и социальном уровнях [8]. Таким образом, указанные базовые типы социального взаимодействия являются разными сторонами проявления русского культурного архетипа «святого царства», и остаются устойчивыми во всех индивидуализациях русской культуры в процессе культурных трансформаций.

4.2. Культурно-архетипические основы европейской цивилизации

Доминирующими в европейской цивилизации являются архетипы «фаустовский человек» и «святое царство».

Архетип «фаустовский человек» впервые в анализе культуры был описан О. Шпенглером в знаменитом труде «Закат Европы» как прафеномен европейской культуры; в антропологическом аспекте он проявляет себя как бесконечный индивид, не терпящий препятствий своей воле [33].

О. Шпенглер исходит из положения, что одна культура определяется одним архетипом и архетип западной культуры – «фаустовский человек». Однако со времени Шпенглера применение его собственной методологии к исследованию разных культур позволило получить новые результаты. В работах современных исследователей европейское общество принципиально поликультурно, т.е. имеет не один, а несколько прафеноменов или культурных архетипов, структурирующих разные виды общественного взаимодействия. Одним из исследованных в настоящее время архетипов является архетип «святое царство», восходящий к индоевропейской общности народов.

Архетип «святое царство» реализуется в Европе в народных представлениях о волшебной стране, где все есть, в образе Римской империи, в творчестве социалистов-утопистов, в символическом образе Города на холме и в научных концепциях идеального общественного устройства, которые легли в основу социалистической и марксистской теорий, а также классической теории модернизации.

В рамках европейской культуры в разные исторические периоды создавались очень разные политические и культурные образования, заполняющие всю шкалу между двумя культурными полюсами, которые представлены двумя культурными архетипами – самодостаточным индивидом и «святым царством». В политическом плане Европа представлена политиями от индивидуалистических хозяйств скандинавского севера и городов-государств Северной Италии до централизованных абсолютных монархий континентальной Европы. В культурном плане Европа формирует социокультурные стратегии как крайнего индивидуализма, так и крайнего коллективизма.

Либеральный идеал самодостаточного индивида был создан в Европе, но там же были созданы и все идеологии, называемые ныне тоталитарными, которые характеризуются выдвиганием на центральные позиции в социокультурном пространстве коллективов того или иного рода с созданием жестких иерархий.

Культурный архетип «святое царство» в европейских культурах продуцирует формирование жестких иерархических структур, которые стоят над религиозными и культурными различиями, включая их в себя на основе общего интегрирующего принципа. Примерами таких структур являются субкультуры, секты, корпорации, транснациональные объединения носителей одной идеологии, лишаящие индивида возможности устоять перед манипулированием. Эти структуры растут экспансивно вовне, захватывая чужие культурные пространства.

4.3. Предмет диалога культур с европейской цивилизацией

Диалог культур России и Европы начался в тот период, когда народы европейского культурного региона в процессе межкультурного взаимодействия предлагали другим субъектам коммуникации в качестве предмета коммуникации теорию и практику модерности.

Классическая теория модерности выражена в работах М. Вебера. Модерность включает классическую рациональность, структурный функционализм, социальный эволюционизм, методологический национализм, исторический оптимизм, методологический сциентизм, социальный технократизм [2, с. 40–41]. Теория и практика модерности сформировалась в Новое время под влиянием двух европейских культурных архетипов – фаустовский человек и «святое царство» [6].

Проект глобализации как универсализации и гомогенизации социокультуры всего человечества основан на теории модерности, которая ставит во главу угла идеал господства отдельной личности над социумом и природой и в то же время позволяет разрушать сложившиеся социокультурные системы, имеющие какие-то границы для манипуляции и эксплуатации, и заменять их новыми общностями, в которых реализуется стремление к господству, создаются универсалистские проекты, выведенные из зоны действия любой критики, и нивелируются ценности неевропейских культур. Архетип «святого царства» в теории и практике модерности проявляется в представлении о совпадении этого царства с Европой. Таким образом, поиски в пространстве и времени прекращены, «святое царство» осуществляется сейчас в странах европейской культуры.

5. Трансмиссия культурных основ русской цивилизации в разные исторические периоды

Русская цивилизация всю свою историю участвует в различных межкультурных взаимодействиях. Коммуникатором в этих взаимодействиях выступает не только поликультурный европейский регион, включающий, в частности, кельтскую культуру и культуру ганзейских торговых путей, но и византийская цивилизация, в зоне пограничья с которой находилась как Киевская Русь, так и славянские племена, усвоившие Кирилло-Мефодиевскую традицию.

Межкультурное взаимодействие в этих многочисленных случаях реализовывалось как заимствование инокультурных элементов. Ю.М. Лотман показал, что механизм диалога культур был реализован только в случае диалога с Византией (X–XV вв.) и диалога с европейским культурным регионом, начиная со второй половины XVII в. Пограничные зоны культурного контакта русской цивилизации с европейскими культурами существовали и до реформ Петра Первого, в ходе которых Россия встала на путь вестернизации, однако диалог культур не был начат до этого периода. В результате диалога культур с европейским культурным регионом в период петровских реформ начала формироваться русская модерность. Выявление ее культурно-архетипических характеристик представляет известную трудность [8]. Взаимодействие с культурными архетипами коммуницирующих обществ приводит к трансформациям культуры-реципиента, в данном случае русской цивилизации.

Диалог культур Руси и Византии, а также России и Европы в Петровскую эпоху был проанализирован Ю.М. Лотманом [13]. В первой фазе диалога культур активизируются процессы дуальной динамики русской культуры.

Первым периодом, когда в русской культуре проявилась дуальность культурной динамики, был период принятия христианства на Руси [26, с. 342 и сл.]. В этот период впервые оказывается семантически нагружен термин «новые»: русские люди называются новыми людьми, христианство – новой верой, переживаемые времена оказываются новыми временами [24, с. 361–362]. Также в этот период впервые в русской культуре играет большую роль термин «просвещение» с положительной семантической нагрузкой: русские просветились светом новой веры, а старая вера в символическом плане отождествляется с тьмой. Христианизация протекает как демонстративная смена старого на новое. В рамках дуальной модели русской культуры важно, что церкви основываются на местах бывших языческих капищ. Традиционное для иерархической культуры уважение к старой мудрости, освященной авторитетом предков, сменяется утверждением ново-

го, которое имеет несравнимо большую ценность. Новая культура реализуется как антикультура с точки зрения предыдущего периода.

Распространение христианства и его активная роль в структурировании социокультурного пространства Киевской Руси приводят в конце концов к первой реализации русского культурного архетипа «святого царства» в христианскую эпоху в результате социокультурной трансформации общества.

В эпоху Московской Руси «святое царство» индивидуализируется как Третий Рим, последнее православное царство. Как показывает Б.А. Успенский, после падения Византии Московская Русь воспринималась населением и политической элитой как последнее православное царство на земле, которое обладало политическим суверенитетом [27, с. 213]. Другие православные государства либо попали под власть турок, как Сербия и, главное, Византия, либо были столь незначительны, что не занимали особого места на русской культурной карте, как Грузия. И. Мейендорф показывает, что место византийского императора как императора всех православных московский царь занял не сразу и какое-то время не хотел занимать вовсе [16].

Однако православное царство занимает огромное место в христианской эсхатологии. В Апокалипсисе описывается последний царь православного царства Михаил, а отсюда следует, что на момент конца света православное царство будет существовать. Византия пала, но кто-то должен занять ее место. В XV в, после победы царя Ивана III на Угре и свержения татаро-монгольского ига, в России начинают чеканить собственную монету с именем царя Ивана и новым символом русского государства – всадником, убивающим дракона [32, с. 451]. Этот всадник позже переосмысливается как Георгий Победоносец, и такое толкование живет до наших дней, однако в первоначальной версии этого символа изображался мифический царь Михаил, поражающий Антихриста перед концом света [35, с. 329–341].

Отказ от эсхатологических ожиданий в XVII в. уничтожил религиозные основания концепции Третьего Рима, которая вследствие этого была полностью забыта до такой степени, что Ф.И. Тютчев, работавший над философским осмыслением истории в 1848–1850 гг., в поисках концепции перемещения центра мировой истории обращается к учению о четырех империях и даже не упоминает учение о Третьем Риме [23, с. 16–21].

Дуальная модель динамики русской культуры снова актуализируется в правление Ивана Грозного и особенно в эпоху Петра, которая уже в произведениях авторов того времени сравнивалась как с царствованием Ивана, так и с эпохой князя Владимира [19, с. 360]. В XVII в, в царствование Петра, снова приобретают положительную семантическую окраску термины «новое» и «просвещение». Если в конце своего существования Московское царство активно поддерживало старину и даже раскол был вызван ревностью о стари-

не и по меньшей мере декларированным стремлением не отступать от старых порядков, то в период петровских реформ старое ассоциируется с невежеством и тьмой, а все новое помещается на положительно окрашенный полюс дуальной модели. Связь с памятью предшествующих поколений снова становится признаком невежества, а новое реализуется как обращение к анти-поведению. Результатом этого процесса является актуализация русского культурного архетипа «святое царство» в качестве Российской империи.

Новый цикл диалога культур России и Европы маркирует также время установления и конца советской власти в XX в. Культурный и социальный кризис начала XX в, символически отмеченный двумя революциями в 1917 г. и Гражданской войной 1918–1920 гг., привел к еще одной актуализации дуальной модели русской культуры. В начале XX в, накануне Революции, исследователи отмечают в русском обществе массовое ожидание революции: большая часть оппозиции видела будущее страны в резком разрыве со старым порядком, который и был реализован в советский период [29, с. 292].

Дуальная модель русской культуры в этот период проявляется в демонстративном антиповедении революционеров, которое неоднократно отмечалось исследователями (см., например, очерк о создании Мавзолея Ленина в первые годы советской власти у А.М. Панченко [18]). Однако именно такое поведение оказывалось связано с культурным ядром, диалектически следовало традиции и позволило новой культуре занять уже существующее место в русском культурном пространстве.

Актуализация архаичных моделей поведения в советский период отмечалась разными исследователями. Неоднократно указывалось, что отношение к партии и марксизму по структуре коллективного сознания аналогично отношению к церкви и религии. Наряду с архаичными формами и на их основе возникали новые формы городской жизни и индустриальной культуры, создавались и внедрялись в общественную жизнь целые сферы, которые ранее существовали в зачаточном состоянии или не существовали вообще. Образцы и модели новых институций брались из европейского быта и опыта индустриальных государств, но включались в специфический русский социокультурный контекст. В этот период сформировались и распространились такие социокультурные феномены, как индустриальный город, моногород, научно-исследовательский институт, промышленный завод, весь комплекс социокультурных структур, связанных с образованием, от детского сада до вуза, и т.д. В этих социокультурных подсистемах реализовывались модели поведения, характеризующиеся коллективизмом, приматом общего над частным, и другими чертами, внесенными в культурное ядро еще в доиндустриальную эпоху. Таким образом, культурный архетип «святое царство» реализовался в советский период как первое социалистическое государство на земле.

Несмотря на принципиально атеистическую государственную политику СССР, универсальная вселенская миссия советской культуры реализовывалась последовательно на разных уровнях. Противоречие между формой и содержанием, невозможность построить цельную культуру без связи с сакральной сферой легитимация достижений СССР через обращение к внутренне чуждой европейской идеологии привели советскую культуру к кризису, который реализовался по известной модели актуализации дуальных структур.

Конец советской эпохи и развитие России в 90 гг. XX в описывается рядом исследователей как антисоветская революция 80–90-х гг., построенная на идеологии, отрицающей все советское, все идейные достижения предыдущей эпохи [10, с. 8–9]. В этот период также активизируется дуальная модель, обеспечивающая единство русской культуры. Снова меняются местами полюса, структурирующие культурное пространство, а демонстративное антиповедение обеспечивает связь с культурным ядром. В этот период становятся актуальны традиционные дихотомии «старое/новое», а также «просвещенное/непросвещенное», уничтожается уважение к старине, высмеивается апелляция к прежним авторитетам. Этим путем русская культура стремится переосмыслить свои основания, воссоздать свой культурный архетип на новом материале и в новой социокультурной ситуации.

Актуализация архаичных моделей поведения в постсоветский период исследована мало. С одной стороны, ученые описывают социокультурную деградацию российского общества в этот период и обнаруживают архаизацию социальных отношений [30]. С другой стороны, трактовка деградации как упрощения заставляет проходить мимо довольно сложных социокультурных форм, которые, тем не менее, свойственны предыдущему этапу развития культуры и приводят к архаизации общественного сознания. Несомненно, что на уровне саморефлексии культуры возрождение старых форм в период кризиса было одной из осознанных поведенческих стратегий, в рамках которой процветал интерес к русской истории и культуре дореволюционного периода, а также стремление воспринять эмигрантскую культуру русского зарубежья как подлинную, старую, и в то же время успешную и передовую альтернативу русской жизни.

В результате спонтанного культуротворчества после нескольких лет общего культурного кризиса была найдена формула суверенной демократии, которая послужила консолидации общества в степени, достаточной для преодоления распада старых форм и воссоздания культурных универсалий в новых условиях. Суверенная демократия – концепт партии власти, появившийся в отечественном идейно-политическом пространстве осенью 2006 г. [20, с. 24] В этой концепции соединяются универсализм и конкретно-русская специфика, и Россия выступает как страна, сохраняющая общечелове-

ческие ценности, но осуществляемые в рамках конкретно-исторической русской культуры и созданной на ее основе русской цивилизации.

В современной русской культуре снова воссоздается русский культурный архетип «святого царства», что выражается в этатизме, претензии на собственную геополитическую стратегию в мире, в зарождении и проведении имперской политики в 2014 г. (присоединение Крыма, создание республик Донбасса). Дуальная модель русской культуры сработала еще раз, культурные полюса поменялись. Поскольку этот процесс еще не закончен, о нем можно говорить лишь как о тенденции, но несомненно, что культурная идентичность сохранилась и в русской культуре XXI в. реализуется русский культурный архетип «святое царство».

Заключение. Трансмиссия и сохранение культурных основ русской цивилизации

Итак, трансмиссия культурных основ русской цивилизации в процессе социокультурных трансформаций происходит на основе воссоздания русского культурного архетипа «святое царство», который является доминирующим в русской культуре. Этот архетип продуцирует те нормы социального взаимодействия, которые позволяют реализовать в историческом процессе спектр возможностей осуществления русской цивилизации в эпоху интенсивного межкультурного взаимодействия настоящего времени и выработать собственную социокультурную стратегию развития современного российского общества.

Во всех индивидуализациях «святого царства» роль русского народа осознается как центральная в истории, а отношение к духу – как непосредственное исполнение религиозной (квазирелигиозной) миссии. Хотя роль в истории и духовная миссия народа осознаются по-разному в православный и атеистический период русской истории, конститuentы культурной деятельности сохраняются.

Период социокультурных трансформаций приходится на первую фазу диалога культур с европейской цивилизацией. В ходе диалога культур актуализируется дуальная природа русской культуры, которая заключается в строгой поляризации культурного пространства и ценностной окрашенности каждого человеческого поступка. В первой фазе диалога культур смысловое наполнение положительно окрашенных артефактов меняется на противоположное. Механизм этого процесса – антиповедение. Западно-европейская культура, теория и практика модерности используются русской культурой как источник технологий и культурных норм, необходимых для разрушения прежних структур социокультурного пространства. При этом состав культурного ядра частично меняется, однако само ядро

и структура культуры сохраняются, и культурных архетип воспроизводятся в новых условиях.

Европейские культурные формы, созданные на основе культурного архетипа фаустовского человека, использовались для эмансипации индивида от сложившихся социокультурных форм, не способных более выполнять свои функции в обществе и приведших социокультурную систему на грань кризиса. В период социокультурной трансформации эмансипированный от старых форм индивид, обращаясь к антиповедению, воссоздает культурное ядро русской культуры на новых основаниях. Те европейские культурные формы, которые созданы на основе архетипа «святого царства», в русской культуре используются для легитимации воссоздания автохтонного архетипа «святого царства», что возможно в силу родства архетипов и ряда общих характеристик этих культурных интегрирующих принципов.

В настоящее время русская культура находится во второй фазе диалога культур со странами европейского культурного региона, который был начат в 1980-е гг. Период активного усвоения чуждой культурной продукции и осознания себя как периферийной зоны европейской культуры прошел, и в настоящее время разворачивается процесс смены центра и периферии культурного пространства, где ведущая роль отводится России и русской культуре, а европейская воспринимается как угасающая и выродившаяся.

Следующий этап после осознания своего центрального положения в культурном пространстве – это период собственного культурного производства и трансляции своих культурных ценностей на другие культуры. Этот период в России уже начался, завершая таким образом цикл диалога культур с европейской культурой в период социокультурных трансформаций конца XX – начала XXI в.

Ищенко Нина Сергеевна – кандидат философских наук, доцент кафедры музыкального искусства эстрады ГОУК ЛНР «Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского», 91015, Украина (ЛНР), г. Луганск, Красная площадь, 7.

Nina S. Ishchenko – associate professor, Lugansk State Academy of Culture and Arts named after M. Matusovsky
91015, 7 Red Square Street, Lugansk, Ukraine (LPR)
niofterna@gmail.com

Список литературы

1. Бек У. Что такое глобализация? М.: Прогресс-Традиция, 2001. 301 с.
2. Браславский Р.Г. Цивилизационная перспектива в социологическом анализе современных общества // Журнал социологии и социальной антропологии. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, факультет социологии; Социологический институт Российской академии наук; Социологиче-

- ское общество им. М.М. Ковалевского, 2012. Т. XV. № 6 (65), Специальный выпуск. С. 30–49.
3. *Василенко И.А.* Архетипические основы русской культуры и современная имиджевая политика России // Перспективы: сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. 2015. URL: http://www.perspektivy.info/book/arkhetipicheskiye_osnovy_russkoj_kultury_i_sovremennaja_imidzhevaja_politika_rossii_2015-06-30.htm (дата обращения 30.11.2019).
 4. *Водов В.В.* Замечания о значении титула «царь» применительно к русским князьям в эпоху до середины XV века // Из истории русской культуры. Т. II; Кн. 1: Киевская и Московская Русь [Сост. А.Ф. Литвина, Б.А. Успенский]. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 506–542.
 5. *Дворкин А.Л.* Очерки по истории Вселенской Православной Церкви: курс лекций. Пятое издание. Нижний Новгород: Христианская библиотека, 2014. 1024 с.
 6. *Ищенко Н.С.* Модерность как реализация европейских культурных архетипов // Вестник развития науки и образования. 2018. № 12. С. 72–80.
 7. *Ищенко Н.С.* Образный принцип интеграции культурных форм: дополнение к классификации П.А. Сорокина // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки. 2019. № 2. С. 64–70.
 8. *Ищенко Н.С.* Русский культурный архетип как основание русской модерности // Вестник развития науки и образования. 2018. № 7. С. 57–65.
 9. *Каньшин А.Н.* Российская цивилизация во взаимодействии поколений: социально-философская концепция: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11. Москва, 2005. 42 с.
 10. *Кара-Мурза С.Г.* Антисоветский проект. М.: Алгоритм, 2009. 352 с.
 11. *Клейн Л.С.* История антропологических учений / Под ред. Л.Б. Вишняцкого. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2014. 744 с.
 12. *Лепский В.Е.* Системные основания для перехода от техногенной цивилизации к социогуманитарной цивилизации // Проблемы цивилизационного развития. 2019. Т. 1. № 1. С. 33–48.
 13. *Лотман Ю.М.* Проблема византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении // Избранные статьи в 3 т. Таллин: Александра, 1992. Т. 1. Статьи по семиотике и топологии культуры. С. 121–128.
 14. *Любавин М.Н.* Архетипическая матрица русской культуры: дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01. Нижний Новгород, 2002. 245 с.
 15. *Мейендорф И.* Наследие Византии // Рим. Константинополь. Москва. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2006. С. 241–249.
 16. *Мейендорф И.* Существовал ли когда-либо «Третий Рим»? // Рим. Константинополь. Москва. М.: Православный Свято-Тихоновский Гуманитарный Университет, 2006. С. 183–207.
 17. *Павлов В.И.* Византийская цивилизация и христианская правовая традиция в современном политико-правовом контексте (к 1700-летию Миланского эдикта). Часть 1. Христианство и современная правовая жизнь // Пространство и время. 2014. № 3(17). С. 14–23.
 18. *Панченко А.М.* Осьмое чудо света // Русская история и культура: Работы разных лет. СПб.: Юна, 1999. С. 476–497.
 19. *Панченко А.М., Успенский Б.А.* Иван Грозный и Петр Великий: концепции первого монарха // Из истории русской культуры. Т. II; Кн. 1: Киевская и Московская Русь. Сост. А.Ф. Литвина, Б.А. Успенский. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 457–478.
 20. *Пляйс Я.* «Суверенная демократия» – новый концепт партии власти // Власть. 2008. № 4. С. 24–32.

21. Россия как цивилизация: материалы к размышлению / Под общей редакцией О.И. Шкаратана, В.Н. Лексина, Г.А. Ястребова. М.: Редакция журнала «Мир России», 2015. 466 с.
22. Синельников Ф.И. Сирия в поздней Античности. Курс «История Сирии» // Magisteria. URL: <https://magisteria.ru/history-of-syria/ot-arabov-do-osmanov>. (дата обращения 30.11.2019).
23. Синицына Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции. (XV–XVI вв.). М.: Индрик, 1998. 416 с.
24. Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1. Первый век христианства на Руси. М.: Гнозис. Школа «Языки русской культуры», 1995. 875 с.
25. Успенский Б.А. Антиповедение в культуре древней Руси // Избранные труды, Т. I. Семиотика истории. Семиотика культуры, 2-е изд., испр. и доп. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 460–476.
26. Успенский Б.А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) (в соавторстве с Ю.М. Лотманом) // Избранные труды, Т. I. Семиотика истории. Семиотика культуры, 2-е изд., испр. и доп. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 338–380.
27. Успенский Б.А. Царь и Бог (Семиотические аспекты сакрализации монарха в России) (в соавторстве с В.М. Живовым) // Избранные труды, Т. I. Семиотика истории. Семиотика культуры, 2-е изд., испр. и доп. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 205–337.
28. Успенский Б.А. Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Избранные труды, Т. I. Семиотика истории. Семиотика культуры, 2-е изд., испр. и доп. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 142–183.
29. Хильдемайер М. Символика Русской революции и первых лет советской власти // Образы власти на Западе, в Византии и на Руси. Средние века. Новое время. М.: Наука, 2008. С. 291–306.
30. Хоружая С.В. Социокультурная деградация (социологический анализ): дис. ... канд. социол. наук: 24.00.01. Краснодар, 2003. 171 с.
31. Храпов С.А. Трансформация общественного сознания в социокультурном пространстве постсоветской России: автореф. дис. ... доктора филос. наук: 09.00.11. Москва, 2011. 39 с.
32. Чернявский М. Хан или василевс: один из аспектов русской средневековой политической теории // Из истории русской культуры. Т. II; Кн. 1: Киевская и Московская Русь. Сост. А.Ф. Литвина, Б.А. Успенский. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 442–456.
33. Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Образ и действительность [Пер. с нем. Н.Ф. Гарелин; Авт. комментариев Ю.П. Бубенков и А.П. Дубнов; Худ. обл. М.В. Драко]. Мн.: Поппури, 1998. 688 с.
34. Этнология: учебник / А.П. Садохин. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Гардарики, 2008. 287 с.
35. Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры / М.: МИРОС, 1998. 448 с.

References

1. Bek U. Chto takoe globalizaciya? M.: Progress-Tradiciya, 2001. 301 s.
2. Braslavskij R.G. Civilizacionnaya perspektiva v sociologicheskom analize sovremennyh obshchestva // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii.

- Spb.: Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet, Fakul'tet sociologii; Sociologicheskij institut Rossijskoj akademii nauk; Sociologicheskoe obshchestvo im. M.M. Kovalevskogo, 2012. T. XV, № 6 (65), Special'nyj vypusk. S. 30–49.
3. Vasilenko I.A. Arhetipicheskie osnovy russkoj kul'tury i sovremennaya imidzhevaya politika Rossii // Perspektivy: setevoe izdanie Centra issledovanij i analitiki Fonda istoricheskoy perspektivy. 2015. URL: http://www.perspektivy.info/book/arkhetipicheskiye_osnovy_russkoj_kul'tury_i_sovremennaja_imidzhevaja_politika_rossii_2015-06-30.htm (data obrashcheniya 30.11.2019).
 4. Vodov V.V. Zamechaniya o znachenii titula «car'» primenitel'no k russkim knyaz'yam v epohu do serediny XV veka // Iz istorii russkoj kul'tury. T. II; Kn. 1: Kievskaya i Moskovskaya Rus'. [Sost. A.F. Litvina, B.A. Uspenskij]. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2002. S. 506–542.
 5. Dvorkin A.L. Ocherki po istorii Vselenskoj Pravoslavnoj Cerkvi: kurs lekcij. Pyatoe izdanie. Nizhnij Novgorod: Hristianskaya biblioteka, 2014. 1024 s.
 6. Ishchenko N.S. Modernost' kak realizaciya evropejskih kul'turnyh arhetipov // Vestnik razvitiya nauki i obrazovaniya. 2018. № 12. S. 72–80.
 7. Ishchenko N.S. Obraznyj princip integracii kul'turnyh form: dopolnenie k klassifikacii P.A. Sorokina // Vestnik Doneckogo nacional'nogo universiteta. Seriya B: Gumanitarnye nauki. 2019. № 2. S. 64–70.
 8. Ishchenko N.S. Russkij kul'turnyj arhetip kak osnovanie russkoj modernosti // Vestnik razvitiya nauki i obrazovaniya. 2018. № 7. S. 57–65.
 9. Kan'shin A.N. Rossijskaya civilizaciya vo vzaimodejstvii pokolenij: social'no-filosofskaya koncepciya: avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk: 09.00.11. Moskva, 2005. 42 s.
 10. Kara-Murza S.G. Antisovetskij proekt. M.: Algoritm, 2009. 352 s.
 11. Klejn L.S. Istoriya antropologicheskikh uchenij / pod red. L.B. Vishnyackogo. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2014. 744 s.
 12. Lepskij V.E. Sistemnye osnovaniya dlya perekhoda ot tekhnogennoj civilizacii k sociogumanitarnoj civilizacii // Problemy civilizacionnogo razvitiya. 2019. T. 1. № 1. S. 33–48.
 13. Lotman Yu.M. Problema vizantijskogo vliyanija na russkuyu kul'turu v tipologicheskom osveshchenii // Izbrannye stat'i v 3 t. Tallin: Aleksandra, 1992. 1 t. Stat'i po semiotike i topologii kul'tury. S. 121–128.
 14. Lyubavin M.N. Arhetipicheskaya matrica russkoj kul'tury: dis.... kand. filos. nauk: 24.00.01. Nizhnij Novgorod, 2002. 245 s.
 15. Mejendorf I. Nasledie Vizantii // Rim. Konstantinopol'. Moskva. M.: Pravoslavnyj Svyato-Tihonovskij Gumanitarnyj Universitet, 2006. S. 241–249.
 16. Mejendorf I. Sushchestvoval li kogda-libo «tretij Rim»? // Rim. Konstantinopol'. Moskva. M.: Pravoslavnyj Svyato-Tihonovskij Gumanitarnyj Universitet, 2006. S. 183–207.
 17. Pavlov V.I. Vizantijskaya civilizaciya i hristianskaya pravovaya tradiciya v sovremennom politiko-pravovom kontekste (K 1700-letiyu Milanskogo edikta). Chast' 1. Hristianstvo i sovremennaya pravovaya zhizn' // Prostranstvo i vremya. 2014. № 3(17). S. 14–23.
 18. Panchenko A.M. Os'moe chudo sveta // Russkaya istoriya i kul'tura: Raboty raznyh let. SPb.: Yuna, 1999. S. 476–497.
 19. Panchenko A.M., Uspenskij B.A. Ivan Groznyj i Petr Velikij: koncepcii pervogo monarha // Iz istorii russkoj kul'tury. T. II; Kn. 1: Kievskaya i Moskovskaya Rus'. Sost. A.F. Litvina, B.A. Uspenskij. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2002. S. 457–478.
 20. Plyajs Ya. «Suverennaya demokratiya» – novyj koncept partii vlasti // Vlast'. 2008. № 4. S. 24–32.

21. Rossiya kak civilizaciya: materialy k razmyshleniyu / Pod obshchej redakciej O.I. Shkaratana, V.N. Leksina, G.A. Yastrebova. M.: Redakciya zhurnala «Mir Rossii», 2015. 466 s.
22. Sinel'nikov F.I. Siriya v pozdnej antichnosti. Kurs «Istoriya Sirii» // Magisteria. Obrazovatel'nyj sajt. <https://magisteria.ru/history-of-syria/ot-arabov-do-osmanov>. Prosmotreno 30.11.2019.
23. Sinicyna N.V. Tretij Rim. Istoki i evolyuciya russkoj srednevekovoj koncepcii. (XV–XVI vv.). M.: Indrik, 1998. 416 s.
24. Toporov V.N. Svyatost' i svyatye v russkoj duhovnoj kul'ture. T. 1. Pervyj vek hristianstva na Rusi. M.: Gnozis. Shkola «Yazyki russkoj kul'tury», 1995. 875 s.
25. Uspenskij B.A. Antipovedenie v kul'ture drevnej Rusi // Izbrannye trudy, T.I. Semiotika istorii. Semiotika kul'tury, 2-e izd., ispr. i dop. M.: Shkola «Yazyki russkoj kul'tury», 1996. S. 460–476.
26. Uspenskij B.A. Rol' dual'nyh modelej v dinamike russkoj kul'tury (do konca XVIII veka) (v soavtorstve s Yu.M. Lotmanom) // Izbrannye trudy, T.I. Semiotika istorii. Semiotika kul'tury, 2-e izd., ispr. i dop. M.: Shkola «Yazyki russkoj kul'tury», 1996. S. 338–380.
27. Uspenskij B.A. Car' i Bog (Semioticheskie aspekty sakralizacii monarha v Rossii) (v soavtorstve s V.M. Zhivovym) // Izbrannye trudy, T.I. Semiotika istorii. Semiotika kul'tury, 2-e izd., ispr. i dop. M.: Shkola «Yazyki russkoj kul'tury», 1996. S. 205–337.
28. Uspenskij B.A. Car' i samozvanec: samozvanchestvo v Rossii kak kul'turno-istoricheskij fenomen // Izbrannye trudy, T.I. Semiotika istorii. Semiotika kul'tury, 2-e izd., ispr. i dop. M.: Shkola «Yazyki russkoj kul'tury», 1996. S. 142–183.
29. Hil'demajer M. Simvolika Russkoj revolyucii i pervyh let sovetskoj vlasti // Obrazy vlasti na Zapade, v Vizantii i na Rusi. Srednie veka. Novoe vremya. M.: Nauka, 2008. S. 291–306.
30. Horuzhaya S.V. Sociokul'turnaya degradaciya (sociologicheskij analiz): dis.... kand. sociol. nauk: 24.00.01. Krasnodar, 2003. 171 s.
31. Hrapov S.A. Transformaciya obshchestvennogo soznaniya v sociokul'turnom prostranstve postsovetskoj Rossii: avtoref. dis. ... doktora filos. nauk: 09.00.11. Moskva, 2011. 39 s.
32. Chernyavskij M. Han ili vasilevs: odin iz aspektov russkoj srednevekovoj politicheskoy teorii // Iz istorii russkoj kul'tury. T. II; Kn. 1: Kievskaya i Moskovskaya Rus'. Sost. A.F. Litvina, B.A. Uspenskij. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2002. S. 442–456.
33. Shpengler O. Zakat Evropy: Ocherki morfologii mirovoj istorii. T. 1. Obraz i dejstvitel'nost' [Per. s nem. N.F. Garelin; Avt. kommentarijev Yu.P. Bubenkov i A.P. Dubnov; Hud. obl. M.V. Drako]. Mn.: Poppuri, 1998. 688 s.
34. Etnologiya: uchebnik /A.P. Sadohin. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Gardariki, 2008. 287 s.
35. Yurganov A.L. Kategorii russkoj srednevekovoj kul'tury / M.: MIROS, 1998. 448 s.